

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Г. Чеснокова

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье анализируются основные категории, используемые в психологии для объяснения природы психического. Подчеркивается роль гипотезы в развитии научного знания. Рассматриваются наиболее распространенные схемы и виды объяснения: объяснение неизвестного через известное; генетическое, структурное и функциональное объяснение; модельное и вероятностное объяснение, «объясняющие скетчи». Особое внимание уделяется истории развития принципа детерминизма в психологии. Прослеживаются перспективы решения проблемы детерминации психического на базе марксистской методологии и философских идей Спинозы.

Ключевые слова: объяснительная и описательная психология, объяснительный конструкт, гипотеза, основное понятие и объяснительный принцип, закон, метод восхождения от абстрактного к конкретному, «клеточка», противоречие, детерминизм.

Целью данной статьи является определение оснований и перспектив развития объяснительной психологии на современном этапе. Осуществление этой цели предполагает выявление внутренних противоречий и «зоны ближайшего развития» объяснительного метода, объективной необходимости его применения в психологии, отношения теоретического объяснения психики к общественной практике.

Объяснительная и описательная психология: история вопроса

С момента разделения Дильтеем психологии на объяснительную и описательную вопрос о том, *какую* психологию следует предпочесть, возникает вновь и вновь, как только научное и общественное сознание начинает отставать в осмыслении объективных про-

цессов, происходящих в природе и обществе, а иррациональная стихия бессознательного получает перевес в общественной жизни. Последняя волна дискуссий между сторонниками естественно-научной и гуманитарной парадигмы, развернувшаяся в отечественной психологии с начала 1990-х гг., вскрыла зыбкость и недостаточную отрефлексированность методологического фундамента отечественной науки. Увлеченность, с которой дискутирующие стороны отстаивают свои позиции, в определенной степени препятствует объективной оценке самого факта этого противостояния. Определение его сущности как борьбы материализма и идеализма в науке (по оценке Л.С. Выготского) на сегодняшний день представляется недостаточным. Необходим более детальный анализ обеих тенденций: их истоков, программ, направлений развития и возможных трансформаций.

Проблема возможности и необходимости объяснения психического традиционно рассматривается как основной пункт расхождений *естественно-научной* (объяснительной) и *гуманитарной* (описательной, феноменологической, герменевтической) психологии. Дильтей определял психологию как гуманитарную («идиографическую») науку, т.е. науку о конкретном человеке и с позиции человека (а не абстрактного, независимого от мира и изучаемого исследователем объекта). В контексте же отношений между конкретными людьми актуально не объяснение душевной жизни, а ее *понимание*. Дильтей обосновывает неадекватность метода объяснения для психологии. Его аргументы можно свести к следующим основным положениям.

- Душевная жизнь иррациональна и потому не может быть постигнута рациональным путем.

- Необходимость объяснения в естественных науках обусловлена фрагментарностью внешнего опыта, в целях упорядочения которого рассудок прибегает к конструированию гипотез о причинной связи явлений. Душевная жизнь дана нам непосредственно в самом ее переживании. Ее структурная связь не причинна, а *целесообразна*.

- Структурная связь душевной жизни не выявляется познанием, напротив, сама эта связь составляет «подпочвенный слой процесса познания».

- Объяснение приходит к обобщениям в результате индукции. В душевной жизни целое первично, значение частей определяется через их отношение к целому.

По Дильтею, понимание представляет собой процесс, включающий три этапа: «переживание», «выражение» (объективацию), «понимание». Обретая объективную форму, переживание становится

ся предметом сознания. Осознание переживания — основа понимания. Однако понимание — не интеллектуальный акт. Оно осуществляется всей совокупностью душевных сил. Понимание есть *вчувствование*. Понимание чужих объективаций осуществляется через их *интерпретацию* — переживание смыслов и ценностей другого в контексте индивидуального опыта. Однако поскольку личный опыт интерпретаторов различен, то и интерпретации чужого опыта оказываются разными. Дильтею не удалось решить для себя проблему общезначимости понимания. Тем самым он встал на путь *плюралистичности* познания (Дильтей, 1996а, б).

В настоящее время классический дильтеевский подход фактически не реализуется в психологии, хотя отдельные идеи развиваются весьма активно (герменевтика, психология переживания Ф.Е. Василюка и т.д.). В отечественной психологии гуманитарная традиция складывалась как развитие культурно-исторической парадигмы, намеченной объяснительной психологией Вундта. Представители этого подхода: Н.И. Надежин, К.Д. Кавелин, Г.Г. Шпет, А.А. Потенбя, школа медиевистов (Гусельцева, 2005). В эпоху постмодернизма, опирающегося на принцип дополнительности теорий и методологий исследования (Постмодернизм, 2001), многие программные положения Дильтея утратили свое первоначальное значение. Наряду с ортодоксальными приверженцами естественно-научной и гуманитарной парадигм появились сторонники так называемых «примирительных» методологий, ориентированных на «снятие» оппозиции объяснительной и понимающей психологии.

По мнению А.В. Юревича (2005а), *понимание* поступков и состояний человека включает в себя их *объяснение* на уровне внутренней детерминации (понимающий «моделирует» состояния другого человека в себе), а *объективное объяснение*, отражающее внешнюю детерминацию, часто сопровождается внутренним «моделированием» объясняемого. Автор выделяет две стадии процесса объяснения: 1) объяснение частного случая; 2) объяснение явлений через их принадлежность определенным классам. По его мнению, понимающая психология останавливается на первой ступени, естественно-научная фокусируется на второй, часто минуя первую. Полное объяснение требует интеграции обоих подходов (Юревич, 2006).

Между тем современное естествознание, сталкиваясь с «непредсказуемым» поведением неорганических систем в условиях неравновесия, само начинает тяготеть к гуманитарной методологии. Как отмечает И. Пригожин (1991), логика описания процессов, далеких от равновесия, — это не логика закона, а *повествовательная логика*; современная наука становится все более *нарративной*.

Наконец, существует точка зрения, согласно которой описательная психология возникла и получила гипертрофированное развитие благодаря слабостям психологии объяснительной. Однако она не может ни компенсировать эти слабости, ни заменить собой объяснительную науку. Реальное преодоление оппозиции объяснительной и описательной психологии видится в раскрытии законов формирования единичного, особенного, индивидуального и «снятии» классической дихотомии «общего» — «индивидуального». Этой позиции придерживается и автор данной статьи.

Проблема объяснения в психологии имеет длинную историю (от Античности до наших дней), на протяжении которой понимание самой процедуры объяснения существенно менялось. За многие годы психология сформировала специфический аппарат объяснения, опирающийся на ряд категорий, не сугубо психологических, а, скорее, общенаучных. В каждой науке они обретают конкретное содержание, определяющее систему понятий и принципов именно этой науки. В свое время философия критического рационализма (К. Поппер, Дж. Агасси, Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд и др.) привлекла внимание к весьма важному вопросу о роли предварительных, «базовых» теоретических представлений ученого в разработке научной теории, что способствовало утверждению представления о детерминации предмета науки исследовательской парадигмой (Кун, 2002; Структура и развитие..., 1978)¹. Не отрицая наличия подобных влияний, мы полагаем, что развитие психологии вообще и психологического объяснения в частности определяется главным образом трансформацией ее предмета — историческим развитием самой психологической реальности. Наиболее широкое распространение в психологии получили такие объяснительные категории, как субстанция, объяснительный конструкт, гипотеза, основное понятие, объяснительный принцип, закон, всеобщее и индивидуальное, модель, метод, «клеточка», противоречие, детерминизм. Они возникли в науке в разное время, однако поставлены в один ряд, поскольку их объяснительный потенциал сохраняется и для современной психологии. Рассмотрим основное содержание этих категорий.

Что объясняет психология?

Одной из первых категорий, возникших на ранних этапах становления психологии с целью объяснения природы психического, был объяснительный конструкт.

¹ В современной науке данное положение получило развитие в направлениях конструктивизма и постмодернизма.

Объяснительный конструкт представляет собой вспомогательное понятие, вводимое в науку в связи с выделенными в ней явлениями и фактами с целью их обобщения и установления причинных зависимостей. Это достигается, в частности, путем отнесения совокупности явлений к некоему единому носителю, установление онтологического статуса которого не является обязательным. Конструкты оформляются, как правило, в зоне перехода от эмпирического к концептуальному знанию и обратно. В психологии в качестве таких объяснительных конструктов выступали: душа, сознание, бессознательное, гештальт, установка и, наконец, психика. Категория *души* занимает среди них особое место. Вундт (1912) считал ее главным вспомогательным понятием (конструктом) психологии, которое не только облегчает объединение психических фактов и содействует их причинному истолкованию, но и формирует общую картину мира, охватывающую как природу, так и индивидуальное бытие. Этот мировоззренческий аспект психологического знания, по-видимому, и объясняет периодическое возвращение к понятию «душа» на разных этапах развития науки (в XX в. за «возвращение души» выступили философская и христианская психология).

Характерной именно для психологии особенностью объяснительных конструктов является противоречие между гипотетическим характером объяснения, заложенным в понятии, и его субстанционализацией, превращением в особую реальность — объект отдельного исследования. В результате подобной трансформации объяснительный конструкт приобретает статус *основного понятия* науки, очерчивающего предметную область психологии. Понятие переводится в ранг предмета науки, из *объясняющего* становится *объясняемым*. Возникает порочный круг. Объяснение отрывается от объективной реальности, поскольку его объектом выступает уже не сама эта реальность, а ее гипотетическая модель (что представляет собой «объяснение объяснения»). И только приток новых фактов, входящих в противоречие с принятой моделью, вынуждает научное сообщество к пересмотру определения предмета науки. Появляются новые объяснительные конструкты. Они сосуществуют и конкурируют между собой. Однако сам процесс их возникновения и смены остается стихийным и нерелефлексированным. Гипотетический характер объяснения природы психического оказывается скрытым от большинства исследователей, полагающих, что они реализуют чисто эмпирический, т.е. основывающийся исключительно на фактах, подход в науке. На это обратил внимание В. Дильтей. Однако если Дильтей стремился освободить психологию от засилья часто не поддающихся эмпирической проверке гипотез, то Л.С. Выготский поставил вопрос о признании гипотезы *основным*

принципом развития науки. «Формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является гипотеза», — повторяет он слова Ф. Энгельса, обосновывая свой подход в психологии (Выготский, 1983, с. 58). Вопрос о предмете науки впервые был определен им не как *предпосылка* (все предшествующие программы построения психологии включали в себя готовое, фиксированное определение ее предмета), а как *цель* научного исследования, процесс сознательного выдвижения и последующей проверки выдвинутой гипотезы. Преимущество такого подхода очевидно. Изначальное признание гипотетического характера предлагаемого объяснения оставляет возможность для коррекции гипотезы и даже для полного отказа от нее. При этом отказ от гипотезы не приводит к глобальным потрясениям в науке, грозящим ее распадом (как, например, в случае кризиса интроспективной концепции сознания), а сохраняет преемственность в научных исследованиях. С этой точки зрения, не вызывает удивления то, что в трудах самого Выготского (за исключением ранних работ, выполненных в рамках поведенческой парадигмы) мы не находим четко сформулированного определения предмета психологии, а также то, что «культурно-историческая концепция... является в большей степени гипотезой, чем подлинной теорией» (Международная конференция..., 1997, с. 131).

Схемы объяснения в психологии.

Понятие закона

Проблема объяснения имеет два аспекта: определение предмета объяснения и выбор способа объяснения этого предмета. Наиболее распространенной в науке является схема объяснения *неизвестного через известное* (наличное, достоверное). Категория, выполняющая функцию средства, орудия объяснения, составляет **объяснительный принцип** науки. Деятельность и общение, установка и гештальт, либидо и стремление к сверхкомпенсации суть различные объяснительные принципы, апробировавшиеся в психологии. В диалектике взаимопереходов объясняемого и объясняющего можно выделить момент, когда основное понятие (предмет исследования) и объяснительный принцип пересекаются в одном понятии. По мнению Выготского, такое положение вскрывает несостоятельность как основного понятия, так и объяснительного принципа науки. Объяснительная категория относится к основному понятию, как общее к частному. Совпадая с основным понятием, она вообще перестает что-либо объяснять. Более того, если за основным понятием, по существу, стоит объяснительный конструкт (душа, сознание, бессознательное и т.д.), то использование его в качестве объяснительного принципа ведет к тому, что неизвест-

ное объясняется не через известное, а только через гипотетическое. Достоверность такого объяснения весьма сомнительна.

Объяснительные принципы в психологии различаются между собой как по уровню обобщения (частные/общие), так и по происхождению. Одни рождаются «снизу», из конкретных исследований и научных открытий. Именно этот путь (логика развития объяснительных идей) был описан Вygотским в «Историческом смысле психологического кризиса». Таково происхождение большинства объяснительных принципов, выдвигавшихся в истории психологии. Другие возникают «сверху» как конкретно-научная разработка более общих, философских положений. К последним можно отнести принцип единства сознания и деятельности, представляющий собой, по словам О.В. Гордеевой (1996, с. 28), конкретно-научную разработку марксистского положения об определяемости сознания бытием.

Центральной объяснительной категорией в науке остается понятие **закона**. Формулировка закона составляет, по существу, основную теоретическую цель объяснения. Содержание понятия «закон» в ходе развития психологии существенно менялось. В Античности душевная жизнь подчинялась общему порядку вещей. В Средние века закон отождествлялся с предписанием Божественного разума. В Новое время под законом начинают понимать устойчивые, повторяющиеся, внутренне необходимые связи между явлениями. А в XIX в. И. Кант определяет закон через соотношение единичного и общего в познании. Однако до настоящего времени вопрос о законосообразности психического мира и характере законов, которым подчиняется работа психики, остается дискуссионным.

Обосновывая необходимость перехода от аристотелевского к галилеевскому типу мышления в психологии XX в., К. Левин поставил вопрос об изменении *критерия закономерности* событий. Аристотелевский критерий регулярности и повторяемости оставлял вне рассмотрения индивидуальные случаи и качественные характеристики явлений, которые, таким образом, «выпадали» из общего объяснения и требовали иного подхода — «сопереживающей интуиции», по Дильтею. Дихотомический принцип классификации объектов ограничивал действие закона конкретной областью приложения (например, класс нормальных взрослых в противоположность классу психопатов). Следование аристотелевской стратегии научного анализа привело к появлению в психологии множества частных законов и объяснительных принципов, не соотносимых между собой. Этот факт рассматривался Вygотским как прямое свидетельство кризиса науки. Выход из создавшейся ситуации Левин видел в переходе от дихотомических классификаций к

непрерывным последовательностям; в преодолении жестких границ между отдельными областями психологии. В качестве основного требования, предъявляемого к закону, в этом случае принималось *отсутствие исключений*. Единый закон, охватывающий собой всю область изучаемых наукой явлений, должен объяснять как те случаи, которые происходят часто, так и те, «которые никогда не реализуются или реализуются лишь приблизительно» (Левин, 2002, с. 76). По существу, тем же путем шел и Выготский, призывавший к поиску общего объяснительного принципа психологии, который, по мысли ученого, позволил бы перейти от изучения отдельных явлений (сознания, бессознательного, поведения и т.д.), формирующих мозаичную картину психической жизни, к *реконструкции сущности психического* как целостности, выражающей себя в этих явлениях. «Проблема психологии заключена тоже в ограниченности нашего непосредственного опыта, потому что вся психика построена по типу инструмента, который выбирает, изолирует отдельные черты явлений... она есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать» (Выготский, 1982, с. 347). Косвенный метод позволяет перейти от изучения продуктов «отбора» к анализу самого этого органа. Раскрытие принципа его работы (механизма «отбора») в теоретическом плане соответствует определению общего объяснительного принципа психологии.

Необходимо отметить существование связи между гипотезой, законом и объяснительным принципом науки. Гипотеза, получившая эмпирическое подтверждение, переходит в ранг закона. Закон в свою очередь может использоваться в качестве объяснительного принципа по отношению к новым фактам. Можно выделить три возможности использования закона в качестве объяснительного принципа.

- Подведение явления под универсальный закон. Например, объяснение феномена эгоцентрической речи с точки зрения закона о двойном появлении высших психических функций.
- Объяснение явления через эмпирически фиксируемую закономерность. Например, определение свойств сознания В. Вундтом и У. Джемсом: ритмичность, непрерывность, селективность и т.д.
- Объяснение эмпирической закономерности через теоретический принцип, т.е. через закон более высокого порядка. Например, объяснение творческих, созидательных возможностей человеческого сознания на основе принципа единства внешней и внутренней деятельности.

Содержание закона определяется избранным типом объяснения: генетическим (закон двойного появления высших психических

функций Л.С. Выготского), структурным (закон творческого синтеза В. Вундта) или функциональным (признание развивающей функции деятельности по отношению к сознанию — принцип единства сознания и деятельности С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева).

С развитием когнитивной психологии в психологическую науку прочно вошло *модельное объяснение*. К моделям в широком смысле этого слова можно отнести и схему поведения S—R в бихевиоризме, и структурную модель психического ОНО—ЭГО—СУ-ПЕРЭГО З. Фрейда, и системное представление о сознании Выготского. Конструктивистская парадигма в науке возводит модельный принцип объяснения в абсолют, рассматривая всю психологию в целом как конструирующую и моделирующую дисциплину. В последнее время все более широкое распространение (особенно в социальной психологии) получают *вероятностные объяснения*. Данный тип объяснения изначально имеет практическую направленность. Его цель — не столько объяснение наличного, сколько прогнозирование будущего. Заметим, что в естественных науках понятие закона включает в себя «предсказание» течения событий и возникновения новых явлений, а иногда даже будущих научных открытий. Вспомним периодический закон Д.И. Менделеева, теоретически обосновавший существование неизвестных на момент формулирования закона химических элементов. Если в начале XX в. Л.С. Выготский и К. Левин видели основную задачу психологии в том, чтобы распространить понятие закономерности на всю область известных науке явлений (разовых и повторяющихся, низших и высших) путем установления законов развития психики и ее взаимосвязи с внешним миром, то психология XXI в. стремится проникнуть в неизвестное, ее интересует уже не столько то, *как возникло* сознание, сколько то, *каковы перспективы* его развития и самого существования человека. Оценка подобных перспектив может осуществляться как на эмпирическом уровне («предсказание» конкретных, частных событий), так и на теоретическом, исходя из анализа некой общей закономерности, действующей на всех этапах развития.

Объяснение не всегда строится в развернутом виде (по всем правилам дедукции). Отдельные его шаги могут быть свернуты или опущены. В этом случае говорят о *неполном объяснении*. Немецкий философ и логик К.Г. Гемпель ввел для таких объяснений специальный термин — «объясняющие скетчи» (Объяснение, 2001). В определенном смысле любое объяснение, опирающееся на готовые методологические принципы, законы и положения, сформулированные предшественниками, реализует, по сути, неполное объяснение. Такой тип объяснения весьма характерен для иссле-

дований, проводимых в русле определенных школ. Принцип знакового опосредствования не требует нового обоснования для последователей школы Л.С. Выготского, так же как принцип единства сознания и деятельности — для учеников С.Л. Рубинштейна. Однако для их оппонентов названные принципы уже не столь очевидны, а формальная ссылка на них не может рассматриваться как доказательное объяснение.

**Объяснительная и детерминистская психология.
Системный детерминизм Спинозы и развитие
принципа детерминизма в психологии**

Для Л.С. Выготского *объяснительная* психология являлась синонимом *детерминистской* психологии. На наш взгляд, отождествление объяснения и детерминизма в науке не вполне правомерно. Декарт, вводя понятие сознания как объяснительный конструкт, в понимании самого сознания стоял на позиции индетерминизма, телеологизма. Дильтей, признавая обусловленность душевной жизни развитием тела, воздействиями физической среды, связью с окружающим духовным миром, отрицал *объяснение* как метод познания в психологии, противопоставляя ему *понимание* душевной связи. Говоря о проблеме детерминизма в психологии, стоит особо остановиться на философских взглядах Спинозы.

Крупнейшие ученые XX в. (как естественники, так и гуманитарии) необычайно высоко оценивали научный потенциал учения Спинозы. Среди них А. Эйнштейн и Л.С. Выготский, определившие каждый в своей области переход к новому этапу развития науки — неклассической науке. Логично предположить, что их обращение к Спинозе было неслучайным, и классическая геометрически выверенная философская система XVII в. уже содержала в себе зерно неклассичности. Можно назвать три положения Спинозы, которые, будучи перенесенными на конкретно-научную почву, проложили русло для развития психологии по неклассическому пути. Это представление о единстве материального мира (воплощенное в понятии субстанции), принцип детерминизма и отрицание интроспекции как способа познания человеческой души.

Разделение человека на душу и тело Спиноза считал изначально ложным и полагал, что это представление основывается на иллюзии, неизбежно создаваемой интроспекцией. Сосредоточиваясь на своих внутренних состояниях, человек искусственно исключается из внешнего мира. Непосредственно данные ему внутренние состояния собственного тела он сознает, а «могущества внешних причин», которые эти состояния вызвали, не понимает. Так возникает иллюзия «свободной воли», замещающая собой подлинное

осознание собственной мотивации. «Идея идеи какого бы то ни было состояния человеческого тела адекватного познания человеческой души в себе не заключает» (Спиноза, 1932, с. 60—61). В этих словах окончательный приговор интроспекции как методу познания. Одновременно Спиноза расширяет установленные Декартом границы психического, говоря, что человеческая психика включает как осознаваемое, так и неосознаваемое содержание. Последнее — это не просто то, что отсутствует в сознании, а то, что представлено в нем в искаженной, *неадекватной* форме. Сознание не замкнуто в себе, оно открыто миру. Мышление, рассматривавшееся Декартом как чисто духовный акт, у Спинозы превращается в *способ активного действия* протяженного тела, живущего среди других протяженных тел и взаимодействующего с ними.

Если классическая психология сознания в методологическом плане опиралась на идеи Декарта и Локка, то оппозиционные течения периода открытого кризиса, выступая против того или иного догмата традиционной психологии, вольно или невольно тяготели к взглядам Спинозы. Их корни обнаруживаются в психоанализе и гештальтпсихологии, не говоря уже о сознательно ориентировавшихся на методологию Спинозы теориях Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева. Проведение параллели между Спинозой и гештальтпсихологами не будет выглядеть натяжкой, если учесть, что философское обоснование целостного подхода было впервые дано именно в учении Спинозы о субстанции: все в мире взаимосвязано и существует в субстанции, которая представляет собой единство в многообразии, своеобразный гештальт.

Признание Спинозой всеобщей детерминации явлений наносило удар не только по телеологизму Декарта, но также по аристотелевскому пониманию закономерности, утвердившемуся в науке. Принципу регулярной повторяемости событий Спиноза противопоставляет принцип господства необходимости и отрицания случайности. Все в мире закономерно — как повторяющиеся, так и единичные события. Все имеет свою причину — как существование, так и несуществование чего-либо. Если К. Левин призывал психологов к перестройке с аристотелевского на галилеевский тип мышления, видя в этом выход из тупика традиционной психологии сознания, то его современник Выготский опирался непосредственно на Спинозу, преодолевшего мыслительные стереотипы Аристотеля и Декарта и ассимилировавшего в своей системе основные достижения естествознания эпохи Возрождения и Нового времени (представление о единстве физического мира, принцип непрерывности событий и т.д.). Открытость сознания миру, связь мышления с мотивационной сферой человека (стремлением к са-

мосохранению), утверждение единства аффекта и интеллекта, вера в бесконечные возможности мыслящего тела — вот идеи Спинозы, получившие наиболее заметное развитие в психологических взглядах Л.С. Выготского.

Парадоксально недооцененной в истории психологии остается разработка Спинозой проблемы детерминации. Традиционно решение этого вопроса Спинозой связывается главным образом с идеей господства необходимости и абсолютной детерминации. На деле Спиноза разработал весьма сложную, иерархически организованную систему детерминации действительности, из которой последующие поколения исследователей вынесли для себя лишь очень незначительную часть.

Прежде всего, Спиноза различает *имманентную причинность*, характерную для субстанции, и *внешнюю причинность*, свойственную ее модусам. Модус есть состояние субстанции, то, что существует в другом и представляется через другое. С помощью понятия модуса Спиноза дает онтологическое обоснование несовпадения явления (модус) и сущности (субстанция), а также вскрывает онтологию противоречия самих явлений (модус есть то, что существует само по себе, и одновременно нечто *другое*). Спиноза различает *конечные* (ближайшие) *причины* явлений и событий и *первые причины*, подчеркивая, что люди в большинстве случаев ограничиваются в познании указанием на конечные причины (мысль, желание, цель как причины поступков). Спиноза замечает, что в природе нет явлений, существование которых не порождало бы какого-либо действия. То есть все в мире (любая вещь, любое явление) может стать причиной возникновения или невозникновения какого-либо события. То, что было причиной, может стать следствием и наоборот. Причинность носит обратимый, «круговой» характер. Важна мысль Спинозы о несовпадении *причины существования* и *причины сущности* вещей. Отец выступает причиной существования, но не сущности своего сына, отмечает он. У Спинозы одна только субстанция служит причиной как существования, так и сущности всего, что есть в мире. Модусы могут служить причиной существования, но не сущности других явлений. Их сущность определяется природой субстанции. Сущность вещей пролегает не в плоскости внешней причинности и не в плоскости существования модусов. Она задается имманентной причиной, стоящей за ними и действующей через них.

Недостаточное внимание к методологическому аспекту проблемы детерминации, пренебрежение философской традицией и некритическое восприятие опыта естественных наук привели к одностороннему пониманию детерминизма в психологии. XIX —

начало XX в. — период господства представления о детерминации как исключительно внешней, односторонней, причинной, с акцентом на фиксации конечных (по Спинозе) причин. Первый прорыв был сделан И.М. Сеченовым, который показал, что за мыслью как источником действия (конечная причина) всегда стоит конкретная ситуация общения, требования общества и практический опыт (первая причина). Открытие *целевой детерминации* (Н.А. Бернштейн), *системной детерминации* (гештальтпсихология, Л.С. Выготский и др.), признание *самодетерминации* личности несколько расширили прежние понимание принципа детерминизма. Итогом осмысления новых фактов стало, с одной стороны, утверждение многофакторной концепции детерминации, с другой — попытки системного осмысления известных форм детерминации психического (Рубинштейн, 1957, 1973; Ломов, 1999). Поиск новых решений продолжается и сегодня. Так, А.В. Юревич (2005б, 2006) предлагает признать факт множественной детерминации и «параллельной» каузальности психического и строить объяснение как многоуровневое с поэтапной редукцией — последовательным перемещением объясняемых явлений во все более широкие системы координат. Сформулировав принцип системной детерминации психического, психология, несомненно, сделала шаг вперед, однако в методологическом плане она лишь повторила азы спинозовской концепции детерминизма, так и не поднявшись до ее уровня.

Реакцией на методологические просчеты сторонников научного детерминизма стало появление в конце XX в. направления *неодетерминизма*, провозгласившего отказ от внешней причины и принудительной каузальности и воскресившего идею имманентной причинности (Неодетерминизм, 2001). Базовые положения неодетерминизма лежат в основе популярного ныне научного направления *синергетики*, завоевавшего широкий круг сторонников, в том числе и в России благодаря работам И. Пригожина (Пригожин, 1991; Пригожин, Стенгерс, 2003, 2005). Достижения в области естествознания (обнаружение *разрыва детерминации* в точках бифуркации и самоорганизации систем), казалось, открыли перед психологами перспективы нового понимания соотношения самодетерминации и внешней детерминации личности (Леонтьев, 2004). Однако конкретные черты такого нового видения определяются пока весьма смутно.

Между тем в концепции Спинозы мы находим важные идеи, касающиеся понимания имманентной причинности и характера взаимосвязи различных причин. Для неодетерминизма имманентная причина — это самопроизвольное становление качеств «изнутри», обусловленное природой данной вещи. Для Спинозы

имманентная причинность присуща лишь субстанции, которая не есть вещь. Имманентная причина понимается как *противоречие* внутри субстанции. Это противоречие является источником актуализации новых качеств — сущностей самой субстанции. Одним из таких противоречий является стремление всего сущего к самосохранению, наталкивающееся в каждом единичном случае на противодействие со стороны преобладающего могущества внешних сил. Из этого противоречия рождается мышление, способность к познанию. Познавая природу вещей, человек начинает действовать в мире более эффективно. Он не только сохраняет, но и совершенствует свою природу.

Нередко имманентная причина отождествляется в современной психологии с *целью*. При этом целевая детерминация противопоставляется внешней. В концепции Спинозы, согласно интерпретации Э.В. Ильенкова (1991), цель выступает как интегральная составляющая всей совокупности причинно-следственных зависимостей, как *всеобщее*, связующее всю массу особенных и единичных обстоятельств. Из психологов к такому пониманию ближе всех подошел С.Л. Рубинштейн. Мотивация, писал он, есть «опосредованная процессом отражения субъективная детерминация человека миром» (Рубинштейн, 1973, с. 368). Действуя в русле необходимости, а не вопреки ей, цель обретает силу волевой тенденции, несущей человеку свободу. За противопоставлением целевой детерминации и внешней причинности скрывается типичный декартовский дуализм, противопоставляющий сознание миру. А потому подобное понимание может оцениваться не иначе как пережиток классической психологии. Дух неклассичности требует особого внимания к взглядам Спинозы и его концепции детерминизма.

Перспективы развития объяснительной психологии (вместо заключения)

В XIX в. понятие субстанции (центральное для Спинозы) ушло из психологии. Поворотным пунктом стал отказ Вундта от *принципа субстанциональности* души в пользу *принципа актуальности* души. Новый смысл категория субстанции обрела в марксистской философии на основе творческого развития традиций Спинозы и Гегеля. В диалектическом материализме, пишет Ильенков (1991), субстанция рассматривается как одно из универсально-логических определений материи. В понятии субстанции материя отражена уже не в аспекте ее абстрактной противоположности сознанию, а со стороны внутреннего единства всех форм ее движения, всех имманентных ей различий и противоположностей, включая

гносеологическую противоположность «мыслящей» и «немыслящей» материи. Понятие субстанции в марксизме тесно связано с пониманием *всеобщего*. «Вопрос о субстанции совпадает с вопросом об объективной реальности того “всеобщего”, которое отражается в исходных (абстрактных) определениях научной системы» (там же, с. 343). *Эмпирической* трактовке общего как одинакового для всех («абстрактно-общее») Маркс вслед за Гегелем противопоставляет *диалектическое* понимание общего как закона или принципа связи индивидов в составе некоего целого («конкретно-общее»). При таком подходе индивидуальное не противостоит всеобщему, а выступает необходимым условием общности индивидов (об эмпирической и диалектической традиции в понимании *общего* см.: Ильенков, 1997). Элементы удерживаются в системе не в силу сходства, а в силу отличий — тех признаков, которые есть у одного, но отсутствуют у другого (примером может служить связь рабочего и работодателя в системе общественного производства). Марксистский метод анализа целостной системы опирался на принцип восхождения от абстрактного к конкретному и нахождение «клеточки» — зародыша развития будущей системы.

Убедившись в несостоятельности определений предмета психологии, фиксирующих явления, но не сущность психического, Л.С. Выготский поставил перед психологией XX в. грандиозную задачу — дать научное определение *субстанции психического* и взял за основу метод выделения «клеточки». Однако в интерпретации «клеточки» от марксистского понимания отошел. У Выготского «клеточка» содержит в себе *все* свойства целого, у Маркса в «клеточке» исходно заложено *противоречие*, инициирующее дальнейшее развертывание и дифференциацию системы (ср. со спинозовским пониманием имманентной причинности как противоречия внутри субстанции). Выготский искал «клеточку» в индивидуальной психике, идя по пути теоретического снятия противоположностей аффекта и интеллекта (смысл), сознания и отдельных психических функций (значение), личности и среды (переживание). Вопрос об объективных основаниях возникновения этих теоретических противопоставлений им не рассматривался. Маркс полагал, что теоретические противоположности всегда обусловлены объективными противоречиями в самом бытии и могут быть преодолены не иначе как практическим преобразованием действительности.

Задача реконструкции человеческой психики в ее всеобщности, поставленная, но до конца не решенная Выготским, по-прежнему сохраняет свою актуальность. На наш взгляд, методологи-

чески перспективным представляется возвращение к Марксову определению человека: сущность человека не есть абстракт, присущий каждому отдельному индивиду; в своей действительности она есть ансамбль общественных отношений. В системе общественных отношений, основывающихся на разделении труда, отдельный индивид неизбежно получает одностороннее развитие. Его психика по необходимости ущербна: одни функции получают гипертрофированное развитие, другие не развиваются вовсе. Между тем на другом полюсе той же социальной системы другой индивид демонстрирует прямо противоположные психологические качества (в этом и состоит противоречие). Противоположность рефлексизирующего сознания реактивному поведению — это не просто теоретическая противоположность или методологическая недоработка психологической науки. Это теоретическое выражение того объективного факта, что целостная картина психической жизни не ограничена отдельным индивидом; различные аспекты психического разделены между разными индивидами, взаимодействующими в общественной системе. Исходя из этого субстанцией психического следует считать всю сложную систему взаимоотношений индивидов в обществе (Выготский ограничился изучением диады «ребенок—взрослый»). Именно единство всех индивидуально-абстрактных, односторонне-ущербных психических проявлений, противостоящих друг другу или компенсирующих друг друга, составляет искомую конкретную всеобщность психического. В этом направлении развивалась и мысль А.Н. Леонтьева, указывавшего, что «деятельность, образы, словом, все психическое, может быть понято только как инфраструктура в суперструктуре, которая есть общество, общественные отношения, словом, инфраструктура психического может быть понята только в связи с суперструктурой социального, потому что инфраструктура без этой суперструктуры не существует вообще» (Леонтьев, 1994, с. 258).

Именно в этом пункте пересечения инфраструктуры психического с суперструктурой социального проблема объяснения в психологии переходит из теоретической плоскости в область практики. Объяснение в науке имеет не только познавательную, но и практическую ценность. Мы объясняем психику для того, чтобы работать с ней — корректировать, восстанавливать, развивать. Изменяя психику, мы выходим на новый уровень ее понимания. Таким образом, объяснение в широком смысле слова представляет собой единство познания и действия. Объяснительная психология — это действенная, а значит, прогрессивная психология. В этом мы видим основание и ее возникновение, и дальнейшего развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вундт В. Очерки психологии. М., 1912.
- Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982.
- Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1983.
- Гордеева О.В. О некоторых ограничениях разработки проблемы сознания в марксистской психологии (на материале трудов С.Л. Рубинштейна) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1996. № 3. С. 26—33.
- Гусельцева М.С. Культурная психология и методология гуманитарных наук // Вопр. психол. 2005. № 5. С. 3—18.
- Дильтей В. Возникновение герменевтики // Философская и социологическая мысль. 1996а. № 3—4. С. 167—195.
- Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996б.
- Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.
- Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997.
- Кун Т. Структура научных революций / Сост. В.Ю. Кузнецов. М., 2002.
- Левин К. Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии // История психологии. XX век / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.; Екатеринбург, 2002.
- Леонтьев А.Н. Философия психологии. М., 1994.
- Леонтьев Д.А. Общие представления о мотивации человека // Психология в вузе. 2004. № 1; <http://www.motiv.smysl.ru/general.doc>
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1999.
- Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Л.С. Выготского // Психол. журн. 1997. № 4. С. 129—137.
- Неодетерминизм // Всемирная энциклопедия. Философия. М.; Минск, 2001. С. 687—692.
- Объяснение // Всемирная энциклопедия. Философия. М.; Минск, 2001. С. 727—728.
- Постмодернизм // Всемирная энциклопедия. Философия. М.; Минск, 2001.
- Пригожин И. Философия нестабильности // Вопр. филос. 1991. № 6. С. 46—57.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 2003.
- Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 2005.
- Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.
- Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
- Спиноза Б. Этика. М.; Л., 1932.
- Структура и развитие науки / Под ред. Б.С. Грязнова, В.Н. Садовского. М., 1978.
- Юревич А.В. Интерпретативные традиции и параметры развития психологической науки // Вопр. психол. 2005а. № 5. С. 119—130.
- Юревич А.В. Методы интеграции психологического знания // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии. Ярославль, 2005б.
- Юревич А.В. Объяснение в психологии // Психол. журн. 2006. № 1. С. 97—106.

Поступила в редакцию
08.04.08